

Голубая подкова

Category: Goşgular, Kitarçy
написано kitarçy | 24 января, 2025
Голубая подкова ГОЛУБАЯ ПОДКОВА

Георгию Гребенщикову

В этих минутах, залитых
родимым солнцем, зелено-голубых
от леса и небес...

Гребенщиков,

Трубный глас, гл. 3

Неоглядная равнина от стальной,
далекой щетины леса до голубой
подковы небосклона...

Гребенщиков,

Сто племен с единым, гл. 3

1.

Солнце захваченным бродил я много в мире,
В тех странах, где на всем лишь солнечный закал.
Но жаром он и там, в раскинутой Сибири,
Где внутренним огнем всегда кипит Байкал.
Сибирские леса – земная небу риза,
В разлитии степей сверкает песнь, звонка.
Там братски полюбил я легкого киргиза
И дымнотеплую кибитку калмыка.
Там каждый, подходя, мне улыбался вольно,
Там каждая душа собой являла ширь.
В фиалках, в ландышах, невестна, хлебосольна,
Простором исполин, великая Сибирь.
А пирамиды льда при вскрытии Амура,
А чаши орхидей, где думал чують цепь.
Алтай. Полет орла. Два дня, что смотрят хмуро.
Семь дней – златоогонь. Вся солнечная степь.
Но я сейчас в стране, где мысли в узких путах.

Тоскую длительно. Дух жизни здесь исчез.
И лишь с тобой опять я в солнечных минутах.
Зелено-голубых от леса и небес.

2.

Ты сто племен с единым в гуле звона
Качнул, их замыкая в мудрый сказ.
До голубой подковы небосклона
Зажегся снежный пламень и не гас.
Чубек, рыбак, любимец Енисея,
Их три – Чубек, тайга и Енисей.
Без слов поет Чубек, шаманно млея,
О рыбине с жемчужиной очей.
А у жены Чубековой есть шубка,
Не сосчитать оленьих лапок в ней.
Чубекона жена – она голубка,
Чубек же, голубь, хан среди голубей.
Но царь послал поклон до Енисея,
Чубек оставил чум свой и жену.
Прощай, тайга. От блесток снега млея,
Чубек на лыжах мчится на войну.
Там далеко, где льды – хрустальным лугом,
Где вьет пурга над Леной вой и гул.
Средь сполохов, там за полярным кругом,
Без солнца бьет песцов якут Туртул.
Из узких глаз зрачки – как звезды ночи,
«Поход. Война. Зовет тебя сам царь».
Якутский день – полгода, не короче,
И ночь якута долгая, как старь.
И мысль якута – снежные туманы,
Метель ведет напев в одну струну.
Цари якутских сказок щедры, пьяны,
Туртул на лыжах мчится на войну.
Царицы дочь, красавицы Ангары,
Байкала внучка, Енисей – жених,
Рекой Тунгуской все зальем пожары

В душе тунгуса. Сны? Зальешь ли их.
Тунгус поет так тонко и певуче,
Не различишь, не ветер ли поет.
Спит наяву. В одной все звезды куче.
Всех любит он. Душа его как мед.
Уйби-Кута, тунгус, ребенок малый,
«Помочь царю» он понял мысль одну,
«И вновь к невесте, в куст малины алой».
Уйби-Кута уходит на войну.
Так всех – так всех – обманом – заманила
В свое жерло свирепая война.
И сто племен с единым – это было,
Но тех племен вся сказка – где она?
От леса, где мы спим, в разгуле звона.
Мы, мертвые, среди бездушных плит,
До голубой подковы небосклона
Зажегся вещей пламень – и горит.

12 мая 1934 г., Кламар, Сена. Goşgular